

Черновики за 2010-2018 годы

Павел Любецкий

2010-2018 годы

содержание

о книге	2
стихи	3
онтологически холодное стихотворение	3
безымянное	3
мы тоже	4
малітва	4
эхо перезвона колокольчиков	4
паэзія – гэта ахвяра і подзвіг	5
некоторые из ритмов (сны с ны)	5
опыт общения с известным профессиональным литера- тором (по мотивам Шекли)	6
кредо (2010)	6
один мой день	7
ещё один день	7
ночь	8
100+1 Шлях Адчуць Сябе Поўным Лузерам, Робячы ўсё Правільна (рэп на дзень народзінаў)	8
трясаянка	9
числовая поэзия	10
в честь пятидесятого найденного числа Мерсенна	10
на смерть семантики	11
парадоксов рукав	11
оригинальность многослойных смыслов	11
ортогональность позитронных смыслов	12
белое стихотворение про схизис	12
песнопения хора норковых schub	13
проза	13
аниил дхармс. случа(йные наброск)и	13
наш муравейник: следом за Моруа	13

трагические судьбы гадких утят	14
стул в небытие	15
миры как кассеты и грамофонные пластинки	16
драматурги	17
инструменты	17
пустыня	17
город и числа	18
бритва Оккама	19
цена чудес	19
на руинах микрокосма (руины разума)	19
бессмертие по Корсакову	20
распределённое бессмертие и личностная диффузия	20
веган на планете хищных растений	21

о книге

Привет, я Паша Любецкий. Эта книга – мои черновики за 2010-2018 годы.

Источники:

- <https://web.archive.org/web/20180715042459/https://reuptake.github.io/>

- <https://web.archive.org/web/20171213223512/https://reuptake.github.io/>
- <https://web.archive.org/web/20170311131254/http://reuptake.github.io/art/poems-interesting.html>

Лицензия: Creative Commons Attribution Share Alike 4.0.

СТИХИ

онтологически холодное стихотворение

в песочных часах сыплется прах умирающего времени (вариант: умирающей вечности)

квазары карлики кометы
сегменты времени планеты

в пустых глазницах вечности
нет места человечности

под радиопульсаров хор
сгораю будто метеор

из праха плёнка были
а я из звёздной пыли

безымянное

намеренно без названия, потому что назвать – значит ограничить, а этого как раз хотелось бы избежать

давайте присядем на мягкую Вечность
и будем следить за тем,
как устремляются в бесконечность
духи нескучных тем

для разговоров (читать – болтовни).
смотрите, как быстро убегают они!

давайте следить за Пространства игрою
за суетой Времён,
за сутью вещей, которым, порою
ещё не дали имён.

и вряд ли дадут. давайте встrepещем
от вещи, большей понятия «вещи»!

МЫ ТОЖЕ

о Боже!
мы это знание выдумывали тоже.
мы эту правду чувствовали тоже.
мы тоже.

малітва

штосьці губляем, штосьці знаходзім,
сонца свеціць лампай стоватнай.
божа, калі ты існуеш у прыродзе,
зрабі
мяне
адэкватным!

свой квіток я згубіў на ўваходзе.
ну і чорт з ім, так пройдзем.

эхо перезвона колокольчиков

...и ей казалось. что внутри
всё не такое, как снаружи
что вот – часы пробили три
и вот – пора готовить ужин

и небо, только посмотри
бывает и в ближайшей луже
и что оно, держу пари,
ничем обычного не хуже

что в отраженьи сточных вод
есть свой, особый небосвод

что поток мыслей в голове
бывает шире или уже
и что несчастный человек
придумал пистолет и ружья

а счастье – это так легко,
но счастлив только тот, кто нужен
кто может жить не беспоко
я, не надоев и не нарушив

и что махнуть бы навсегда
в Сеул,
Бангкок,

а может –
в Дели
а путеводная звезда
сама найдёт
любое «где я?»

паэзія – гэта ахвяра і подзвіг

паэзія – гэта ахвяра і подзвіг
дзякуй Богу, што тое, што я пішу - не паэзія,
а так, звычайны душэўны эксгібіцыянізм.
паэзія – гэта як лёгкі подых,
ці амерыканскія горкі, што хутка нясуць цябе ўніз.

паэзія – гэта голая манашка з наголкай на спіне,
ці маўклівы інтэлігент, якога замучыў штодзённы быт.
удзень ён жыве ў рытме разам з усімі,
каб ноччу прачнуцца – у халодным поце – злавіўшы свой рытм.

паэзія ніколі не церпіць халтуры
ці фальшу, стракатасці ў вонкавасці.
глыбіня для яе – другая натура,
і гэтых натураў – бясконцасць.

паэзія – гэта няспынныя гонкі,
у якіх ты ніколі не прыйдзеш да фінішу
яна ўнутры, хоць ўвесь час лезе вонкі.
шэпт ветру,
пах яблыкаў,
плыні шум.

P.S. раптам падхоплены плынню са словаў
ты можаш выказаць невыказнае
будзь па-за шаблёнамі, па-за ўмовамі
заўсёды тут і заўсёды па-за.

некоторые из ритмов (сны с ны)

ритм первый

сегодня мы смотрели с ны
на яблоневый сад,
на смену ритма тишины
один раз в два часа,
на бездну звёзд, которых нет,
крупницу всех, что есть,

в пространстве-времени просвет,
куда нам не пролезть.

ритм второй

сегодня мы смотрели с ны
на то, как умирают
смы
слы. и то, к
ак снова возникают
такое чувство, будто ток
ом бьёт,
и жжёт как йод.

пустоты дуккха заполняет,
пчела бессмертная поёт.

опыт общения с известным профессиональным литератором (по мотивам Шекли)

– Лимля, печукрудалия, дадалка, псевдоангелы какие-то под псевдонимбами и, как его, гладкошёрстный пурктик? – говорит мне один известный профессиональный литератор, протирая стёклышки

– Не марайте бумагу, займитесь делом
Всё высосано из пальца

*Чешуя его из жёлтой становится белой
И он втягивает свою голову в панцирь.*

кредо (2010)

Божа, я хачу глядзець людзям у вочы
не сармеючыся. і не імкнучыся адвесці позірк
я хачу адчуваць кожнай клеткай свайго цела
жыццё. яго пульс і подых
я хачу наперад крочыць
з адчуваннем, што ўсё зрабіў правільна.
а яшчэ – каб уласныя адчуванні
ніколі мяне не падманвалі

я хачу – з захаваннем аўтарскай інтанацыі, арфаграфіі і пунктуацыі
я хачу ўсё па пунктах, заснавальна, ці адразу, імправізацыяй

я хачу, каб галоўным словам стала «дзякуй», а галоўным пачуццём –
любоў
я хачу гаварыць адразу, без уводных прамоў

я хачу, каб любая параза была найменш значнай з падзей
і, нарэшце, паверыць у людзей

я хачу быць камусьці патрэбным
я хачу ў вечар суботы
я хачу хацець не дарэмна
я хачу адчування палёту
я хачу сабе крылы
і яшчэ дачакаць, калі яно прыйдзе, доўгачаканае «потым»

я хачу, каб усё было шчыра
амінь

один мой день

норковые шубы вылезли из нор

дамы идут в
schub'ax
вне возможных норм

идут пускаясь в пляску на облакаблуках
мужья ведут коляски на длинных поводках

летят часы с кукушкой разносят жизнесроки
а дзенские хлопущки пускают дхарм потоки

разбужена округа хлопками дзен-петард
чаи "беседа" (с другом) в капсулах ретард

– пролонг-реализация потребности в общении
для чайных корпораций же - путь к обогащению

*...а лебеди в балетках ныряют в водоём
ну всё, настал таблеток торжественный приём*

ещё один день

ещё один день. его Мера и Суть – Всё Поглотивший Испуг
уйди, нечистый. заberi с собой свои

- Обоняние
- Зрение
- Слух

ещё один день. его мера – испуг и отчаяние
уйди нечистый. заberi с собой свои

- Зрение
- Слух

- Обоняние

в общем-то, вот они, опрелые прелести жизни в долг
согласился бы и на кондицию как у Кандинского, вот только и к ней
путь долог
путь долог, а движения нет. нет движения кро ме движения кро ви
радует только что хоть что третий из органов зрения не обезбровлен
поиск решения гол, он сам по себе, с него спала иллюзия смысла
муха сознания (какая там бабочка!) вязнет в меду из мыслей
который почему-то льётся непрерывным потоком
манит самая суть? попробуй добраться до неё автостопом!

НОЧЬ

ночь – это время долгожданной свободы
ото всех не тобой обусловленных
условностей
мысли в голове прокручиваются с безумной скоростью
и исчезают, унося от тебя собой дневные заботы

ночью нет места для правил и обязательств
безумно длинна, но это ей даже идёт
стечение вялотекущести
обстоятельств
и иллюзорности грёз, где выход не там же, где вход

в ночные часы я кажусь себе немножечко лучше
видя лишь то, что всё время старался увидеть
повергая
Всесильный
Его Величество Случай
и возлюбя
то, что хотел ненавидеть

ночью нет рамок, ночью стёрты границы
бессмысленен смысл, отныне смысл – ты сам
ты волен лететь навеки свободно птицей
в мире, податливом, как мягкий кусок бабль-гам

100+1 Шлях Адчуць Сябе Поўным Лузерам, Робячы ўсё Правільна (рэп на дзень народзінаў)

красавік 2010

я ніяк не магу пазбавіцца ад адчування таго, што буду жыць вечна
гэтае адчуванне засела ў мяне ў самых глыбінях свядомасці, і яго не
вытравіш адтуль нават дыхлафосам

словы бываюць бессэнсоўнымі (калі прыходзіцца казаць і казаць нешта, толькі каб яны адчапіліся),
і я, часам, паводжу сябе ну вельмі недарэчна –
але ўсё роўна, лепей так, чым вечна хадзіць з высока задраным носам.
я ніколі не веру ў сваю правату, калі мне кажуць: «хлопча, ты маеш рацыю!»
і гатовы на ўсё, каб яе даказаць, калі з мяне ўсе смяюцца.
я імкнуся не губляць твара, праяўляць велікадушша, усміхацца й смяяцца.
а потым б'юся аб сценку і думаю: «калі яны ўсе заб'юцца!»
я прывык фіксаваць свядомасць на адным чалавеку ці справе
што зробіш, галава ўвесь час занятая клопатам аб клопатах, тваіх і сваіх
(канешне, толькі тады, калі яна свабодная ад думак аб пазачарговай справе – у такія моманты звычайна зусім не да іх...)
я прывык увесь час вітаць у аблоках, вандруючы ад мары да новай мары,
ісці па шляху, што мне асабіста выдзеліў Бог
у цемры настолькі глыбокай, што хоць выкалі вока,
сярод мной жа настаўленых абставін і нейкіх там планаў
спатыкнуўшыся й мацюгнуўшыся, упаўшы ў лужыну (чамусьці заўсёды тварам),
устаць і пайсці, не заўважаючы, што ідзеш у іншы бок.

трасянка

такі ужо чалавек, яго судьба –
мы надзяваем урэменные маски
нагі тым часам дзве, і лыжа тожа два
скальзяць па снегу і траве (але са змазкай)
яшчэ у чалавека дзве рукі,
два вухі, дзве наздры і сам ён парны
і дзве нагі, і два чаравікі,
па усёй сваёй прыродзе ён бинарны
там дзе ёсць крышка, заўсёды ёсць і дно,
а на гениальна знойдзецца бяздарна
у дваякасці такой жыццё. адно.
не прапусці. не карыстайся марна

числовая поэзия

геометрическое стихотворение со знаменателем одна вторая

один (читается за одну секунду)
одна вторая (читается за одну вторую секунды)
одна четвёртая (читается за одну четвёртую секунды)
одна восьмая (читается за одну восьмую секунды)
одна шестнадцатая (читается за одну шестнадцатую секунды)
<...>

число строк в стихотворении бесконечное (счётное).
полностью стихотворение читается за две секунды.

обобщённое гармоническое стихотворение (стихотворение Дирихле) с параметром, равным двум

один (читается за одну секунду)
одна четвёртая (читается за одну четвёртую секунды)
одна девятая (читается за одну девятую секунды)
одна шестнадцатая (читается за одну шестнадцатую секунды)
одна двадцать пятая (читается за одну двадцать пятую секунды)
<...>

число строк в стихотворении бесконечное (счётное).
полностью стихотворение читается за $\frac{\pi^2}{6}$ секунд.

в честь пятидесятого найденного числа Мерсенна

x_0 = очередной поток дхарм пытающийся скрыться в миражах и за ярлыками
 x_1 = клякса на чистом листе попытки начать всё сначала
 x_2 = то, как она просачивается сквозь простыню на ткань пространства и времени
...

– глубоко извращённый секс со многими неизвестными одно из которых – ты

и даже учтя что не каждый переживёт встречу с сутью
стоит учитывать что для некоторых она –
едва ли не самое простое испытание
в их жизни

1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255, ..., $2^{77232917} - 1$, ...
как забавно, что порой чуть ли не самые простые вещи
приходится искать так долго

и что самой лучшей структурой
вдруг может разродиться сам хаос
смеясь над твоими бесплодными поисками

на смерть семантики

хамелеоны грибницы чисты
густы фараонов гробницы
смысл утерян. огни Пустоты –
новой семантики лица

парадоксов рукав

парадоксов рукав,
где пространство –
ручной колонтитул.

истончается быть
и семантики порвана ткань.

тяжек крест, словно орден.
удар приговора –
как титул.

смерть –
как главная тема,
лейтмотив.

жизнь –
немного гортань.

оригинальность многослойных смыслов

посвящается мезолимбическому дофаминовому пути

весь мир мультяшен и ненастоящ
орлиной солью высыпан паркет
лишь голос Голосовкера звенящ
он громко зазывает на банкет

где робкий одинокий мыслепут
в который раз распутывает след
загадочный: сейчас он, вроде, тут
а через миг – уже, похоже, нет

этаж затих. на сестринском посту
звучит раскатом братская молитва.

бассейн наплакан. гладко выбрит стул
он храбр, и оттого – опасной бритвой.

в созвездии Большой Столовой Ножи
корабль наконец-то лёг на курс.
хоть странен порождённый мной дискурс
в контексте мироздания многоножки.

как рёв сирен, когда я заземлился
как вой вселен
ных, что спуют без дела

как саблезубость Нельсона Манделы
витиеватость позабытых истин
и смысл, что как будто испарился

ортогональность позитронных смыслов

нож – это бремя жданодолгой свободы
ото всех не тобой
гиппопанк звучит в каждом доме уже практически годы

контексты мироздания многоножки
разорваны, как овощи в окрошке

предвещаая беды, бады, Будды и боды
предвещаая кораллы и хороводы

так скажи Архи тектор
правда ли те кто?

предвещаая великий отбой

не барайте марагу, печукрудаля темя:

у вас голова испанца.

ползяк, червоточащий семя

несёт однородность субстанции

белое стихотворение про схизис

Сцена: *универсум психики.*

Крупный план: *зрители видят надлом.*

Из надлома выкатывается яблоко.

Помидор грызёт Яблоко
Яблоко грызёт Слива
Сливу грызёт Ближайший
Ближайшего никто не грызёт

*Примечание: **яблоки** – это такие блоки, из которых состоит человеческое «я».*

песнопения хора норковых schub

слышите выжжена вышита выше там
в крыше ли в трубке дыра
в общем-то именно так
выглядит наша нора

вокруг ползла пересечённая оазис:
мать,
мадемуазель,
Империя!

проза

аниил дхармс. случа(йные наброск)и

об авторе: *буддист-абсурдист.*

проблема – это концепция проблемы. убрать уровень концепций – значит убрать уровень проблем. это как в прятки играть: чтобы тебя не смогли найти, нужно закрыть глаза. дети интуитивно догадываются, что нужно всё делать именно так, но получается у них далеко не всегда. просто они забывают закрыть третий глаз. далее третий глаз поворачивается внутрь головы и пристально рассматривает носителя. рассматривает до тех пор, пока не станет понятно, что носителя-то и нет! а как его после такого найдёшь?

у Будды был один ученик, испытывавший к нему большую привязанность (и выражавший её тем, что постоянно пытался привлечь внимание Учителя разговорами). Будда давно повторял, что привязанность – причина страданий, и он совсем не хотел страданий ученика, поэтому часто спрашивал у него: чего ты ко мне привязался?!

Окончательную Истину невозможно увидеть ни одним из трёх своих глаз. ими можно увидеть лишь то, что увидеть её с их помощью нельзя. и увидев это, можно увидеть Окончательную Истину. но не глазами, это сложно объяснить... вы попробуйте, сами увидите.

наш муравейник: следом за Моруа

Ардагони был ещё совсем молодым божеством. Мать в первый раз привела его выбрать себе игрушечный мирок – сущий пустяк по сравнению с теми, которыми ворочали взрослые! - в магазин игрушек. На-

селявшие этот мир народы были такими примитивными, а сам он – так прост в обращении, что его без опаски можно было доверить и ребёнку.

Внутри пластиковой колбы на пластиковой подставке висела крохотная планетка. Всё, что требовалось от владельца – это раз в месяц подбрасывать туда щепотку любви и несколько капелек счастья, реализуя свою божественную природу.

Ардагони исправно делал всё это, пока не вырос и не занялся делами серьёзнее и величественнее, позабыв свои детские игрушки. А люди, которые населяли этот мир, тем временем продолжали жить свои жизни, счастья и любви в которых становилось всё меньше. При этом почему-то они всерьёз считали, что счастливыми им мешают быть другие люди (увы, ума многим из них тоже не доставало) и вели свои бесконечные скучные войны.

Хотя нет, бесконечными они как раз не были: в конце концов жителей на планете осталось совсем мало, да и оставшиеся после всех этих химических атак и ядерных бомб особым здоровьем не отличались. Если у кого-то и рождались дети, они были уродами и быстро умирали. В конце концов на всей планете осталось только двое: Альманора и Финкьяри.

Этот мир ещё долго никто не доставал из мешка для старых игрушек, так что никто так и не увидел, как он доживал свои последние дни. И как умер Финкьяри, изо всех сил пытаясь сберечь последние крохи любви (крохи для этого мира, но не для него самого!) для Альманоры, своей Королевы.

трагические судьбы гадких утят

Жил-был один гадкий утёнок. Ну, по правде говоря, никаким утёнком он не был, да и гадким был уж точно куда меньше остальных, но о том, что он гадкий и о том, что он утёнок, ему постоянно твердили окружающие, и оснований для сомнения наш герой не видел. Да что там говорить, он и близко не мог допустить даже мысли о том, что этот порядок вещей неправильный и не догадывался о своей сути: огромном потенциале прекрасного лебедя. Не догадывался и так никогда не догадался, ровно как и не догадались окружающие: “утёнка” успели сломать раньше, чем он присоединился к остальным лебедям. Так что наш утёнок попал в дурку, где и провёл остаток своей полной боли жизни в овощном состоянии, напичканный нейрорепарантами первого поколения – современные препараты утки-врачи признавать отказывались.

Другому же утёнку повезло больше: он успел превратиться в лебедя до того, как случилась катастрофа, но крышей всё равно поехал. Оста-

ток жизни его мучали кошмары и воспоминания о прошлом, и свою прекрасно-лебединую жизнь он прожил, сидя на препаратах и борясь с обострениями.

А ещё один утёнок был в курсе оригинальной истории про гадкого утенка и тоже любил лебедей. Он уже был готов к преобразению в прекрасного лебедя, вот только оказалось, что не лебедь он никакой, а реально гадкий утёнок с мегаломанией. В дурку его отправили уже сами лебеди: многие из них в душе оказались не такими уж и прекрасными, а заносчивыми лебедями-снобами, презирающими чужаков. И они совсем не любили, когда к ним примазывались всякие *untervogel*.

стул в небытие

вначале не было ничего.

нет, действительно, в свежесамозародившейся Вселенной для «ничего» просто не хватало места: вся она наполнилась неисчислимым множеством сущностей, слишком свободных и мало с чем определившихся, чтобы иметь достаточно уловимые, хоть как-то пригодные для их описания, свойства.

эти сущности кружились в поначалу неупорядоченном танце, притягиваясь друг к другу и отталкиваясь: они провели так не одну вечность, совершенно, даже не пытайтесь, несоизмеримое со временем до их (за)рождения, время.

но и это было не навсегда: взаимодействие порождало первые локальные области упорядоченности и первые структуры – слишком нестабильные, чтобы существовать вечно, но каждая такая нестабильность была шажком вперёд, пусть и не всегда удачным. время от времени начали появляться структуры, которые хоть и не могли избежать разрушения, но были уже достаточно живучими, чтобы просуществовать и развиваться в течение заметных периодов времени.

сложно перечислить всё, что было создано в этом танце роя сущностей, но самым удачным его изобретением стал Хранитель.

Хранитель был, по сути, чем-то вроде божества, создающего, упорядочивающего и постоянно ремонтирующего постоянно разрушающийся мир. Описания того, как Хранитель (за)родился, как он начал осознавать себя, мир вокруг и свои возможности, по сути, рассказа про детство божества и его внутренний мир, порождающий внешний, хватило бы на целую (глубоко сакральную) книгу, но он не был тщеславен и не собирался писать мемуаров и автобиографий.

мир был невелик, а населяющие его существа – прекрасны. Хранитель любил их всей душой, но при всей своей любви уберечь этот мир пол-

ностью не было под силу даже ему, и некоторые любимые им структуры, в том числе и существа, всё равно разрушались.

периферия мира была упорядочена (пусть и с локальными возмущениями беспорядка), в центре же мира бурлил хаос – именно там зарождались новые структуры и именно там могла погибнуть неосторожная старая.

за периферией же начиналось детерминирование и остановка всего, полный порядок, а за полным порядком шло небытие, как его ещё наиболее экстремальное воплощение. небытие не оставляло попыток наступления и поглощения мира – Хранитель же сдерживал его во время таких интервенций.

когда же небытие было спокойно, Хранитель, время от времени, сидел на стуле скраю мира и молча наблюдал за этой вечной пустотой – только так он мог сполна чувствовать вверенный ему мир. никто не знал, что он думал в эти моменты, и он мог считать своим успехом, что никто из так нежно любимых им созданий не был знаком со всеми этими чертовски тяжёлыми вещами.

Никто из них не мог понять его выражения лица после всех этих молчаливых медитаций, увидев в глазах Хранителя весь ужас подступающей к их миру, вечно стремящейся на него наброситься, Невечности.

миры как кассеты и грамофонные пластинки

невечное возвращение.

Описать мир каких-высших существ, которые записывают Вселенные вроде нашей на аналоги грампластинок и аудиокассет, тиражируют и продают. В итоге такое существо может раз за разом пережить всё существование Вселенной целиком, от начала до конца, со всеми переживаниями всех её обитателей и наблюдая за местами, где ни разу не побывало ни одно живое существо. Населения миров оживают раз за разом и раз за разом умирают, причём на бесчисленном количестве экземпляров записи. Кто-то собирает целые коллекции Вселенных, которые пылятся на полках и проигрываются изредка, а то и вообще никогда.

Описать, как плеер зажёвывает и портит кассету прямо посреди драматичной истории, происходящей с её обитателями (история описывается параллельно с повествованием об этих высших существах, причём имена эта история и кажется основной по построению текста). Кассету выбрасывают в мусорку.

драматурги

Драматурги – сверхъестественные существа, вмешивающиеся в (ранее благополучные) судьбы существ или целых миров, чтобы сделать из них цепляющую за живое эмоционально насыщенную либо просто поучительную историю, призванную удовлетворить их и Наблюдателей либо стать учебными пособиями для других надмировых существ.

При этом они могут в каком-то смысле любить своих жертв/персонажей, как своих персонажей может любить писатель, позже их убивающий. и как раз тем, кого они любят больше всего, кто наиболее значим в Повествовании, они и создают наиболее серьезные испытания.

читатели

Читатели – большие любители историй. Они читают истории миров, которые пишут народы и цивилизации, и уже от авторов зависит, бросят ли их мир, не дочитав историю даже до середины, или будут перечитывать вновь и вновь, обеспечив миру нищепанское вечное возвращение (аналог жизни после смерти, но в масштабах целого мира).

инструменты

Может ли у инструмента быть своё, независимое (и ложное) мнение о том, что с его помощью делают? Что он думает о своём создателе? Что он думает о том, кто им пользуется? Как он оценивает важность своей роли в мироздании?

Считает ли линейка себя мерой всех вещей, а молот кузнеца – ковцом своей судьбы? Каких взглядов придерживается молоток, а каких – отвёртка?

Рады ли они своему (пред)назначению и как относятся к создателю и пользователю, если существование приносит им в основном боль? Если их роль в мироздании при этом велика? Если ничтожна?

Смысл в том, что мы сами можем быть инструментами, которыми пользуются другие люди и высшие силы. И мы часто не знаем своей подлинной роли: какая разница, что мы там мы о себе думаем?

пустыня

суровое наказание высших сил: я заключён в звуке, разносящемся над пустыней.

что это за звук, я не знаю, да и некому знать: здесь есть только я. у него нету слушателя, нет у него и источника. кроме того, пустыня бескрай-

няя: если бы здесь и был кто-то, то куда бы он ни пошёл, он шёл бы вечно. но здесь никого нет, поэтому идти некому и некуда.

моя темница звучит не так уж и долго и быстро замолкает. перед ней была вечность небытия и пустоты, они же ожидают меня и после.

а потом всё повторяется: та же пустыня, та же темница и те же мысли.

каждое движение сознания, каждое мгновение моего существования уже было несчётное количество раз и будет столько же.

а я даже не знаю, со мной ли.

город и числа

город покрыт домами. город находится в сетях маршрутов общественного транспорта. город оснащён, город снабжён многими другими пронумерованными объектами, процессами и явлениями.

числа делят город на зоны влияния: так, маршрут двадцать девятого троллейбуса – это зона влияния числа 29.

люди же живут примерно в одних и тех же домах. встают примерно в одно и то же время. едут примерно на одних и тех же маршрутах, успевая или опаздывая на работу примерно с одинаковой частотой.

однако время от времени картина меняется: люди меняют номера домов, меняют график работы, меняют сами работы вместе с номерами зданий, в которых те находятся... кроме этого, судя по тому, насколько активно они этим занимаются, люди очень любят рождаться и умирать, приобретая номера в книгах учёта рождения и смертей.

так числа обретают динамику.

люди связывают с числами какие-то значения, эмоции, надежды и страхи.

вокруг каждого числа формируется целый ореол кусочков человеческих личностей (некоторые из которых могли уже и погибнуть), целый ореол значений: снова-таки динамичные. и на некотором абстрактном уровне, с одной стороны, созданном городом и людьми, а с другой – освобождённом от них абстрагированием, эти числа оживают.

и на этом уровне числа живут своей жизнью, вступают в отношения: дружат, любят, плетут интриги и дерутся за сферы влияния. и подчиняются законам, например, предельным теоремам теории вероятностей.

но может ли число быть незаконопослушным?

бритва Оккама

помимо основной сюжетной линии по ходу повествования вводится много «лишних» персонажей и бессмысленных ни к чему не приводящих линий. множество “висящих на сцене ружей”, которые и не собирались выстреливать.

а ещё по сюжету орудует какой-то серийный убийца по кличке Оккам, убивающий своих жертв бритвой. и ближе к концу никого из лишних персонажей не остаётся, остаётся только основная сюжетная линия, приходящая к развязке.

цена чудес

В центре повествования - прибор, который позволяет подкрутить вероятность какого-то события (в том числе превратить крайне маловероятные события в происходящие “почти наверное”, по сути превращая обладателя в чудотворца).

Но у этих чудес есть цена (побочный эффект) – во время подобных стохастических вмешательств могут измениться и вероятности зависящих событий, в том числе и совсем неприятных для обладателя и маловероятных до применения прибора.

на руинах микрокосма (руины разума)

в будущем появляется технология, позволяющая ненадолго проникнуть в разрушающийся мозг умершего человека, в некоторой степени «оживить» его на время.

умирает профессор, инженер либо ещё какой-то человек, остающийся единственным носителем знаний по какому-то жизненно важному для других вопросу (будет называть его профессор). он прожил много столетий, и его тело – тело глубокого старика. люди, которые путешествуют по его сознанию встречаются с его личностями в разные периоды: ребёнок, подросток, студент и так далее.

сначала воспоминания оживают, а потом начинают разрушаться: иссыхают водоёмы, сохнут растения, ветшают здания. в конце концов путешествующие встречаются с самой поздней личностью и узнают то, что хотели. профессор в это время преобразается и снова становится молодым, какие-то вещи ему всё же подконтрольны.

последняя сцена – профессор (или кто там) ложится на траву вместе со своей давно умершей любовью, ожившей в этом воспоминании, и они вместе наблюдают, как гаснут звёзды. на заднем плане в это время рушатся здания.

бессмертие по Корсакову

история про добровольца, участвовавшего в экспериментах по продлению жизни и ставшего биологически бессмертным. со временем у него развился корсаковский синдром (помнит прошлое до какого-то момента, а вот способность запоминать текущие события существенно нарушена), что не так уж неожиданно, потому что на очень длительные периоды времени человеческой памяти не хватит.

начинается история с того, что герой остаётся единственным выжившим на Земле. память о том, что происходило начиная с какого-то момента (объявления о каком-то крупном физическом эксперименте, в результате и погубившим людей), очень туманная, а свои старые записи он найти не может.

он начинает вести новый дневник, пытаясь понять, что произошло, собрав паззл воспоминаний. время от времени его отбрасывают назад проблемы с памятью, и он заново перечитывает вещи, которые писал совсем недавно. в конце концов у него складывается чёткая картина того, что случилось с человечеством.

однако заканчивается всё тем, что он снова всё забывает, и начинает поиск сначала: становится ясно, что он заново переоткрывал для себя историю гибели человечества уже много раз.

распределённое бессмертие и личностная диффузия

диффузное общение – общение, состоящее во взаимном обмене идеями, взаимном обогащении ими. может затухать (временно или навсегда) при взаимном насыщении. если обмен идёт в одну сторону, общение называется осмотическим.

интересно было бы вообразить сообщество существ, общение которых доходило бы до полного взаимного построения моделей личности друг друга (всеохватывающая theory of mind). у них бы не было техники, мобильной связи, зато у каждого существа была бы не только индивидуальность, но и коллективный опыт остальных.

если одному существу нужно обдумать проблему – оно может посоветоваться с образом другого у себя в голове. при встрече двух разных существ образы в головах синхронизируются, дополняются (если эти образы модифицируются в их головах, нужен механизм разрешения конфликтов. иначе просто инкрементное обновление до последней возможной версии). приводить аналогии с VCS и системами резервного копирования. если первоначальный носитель личности погибает, личность можно восстановить из распределённо хранимого бэкапа в специальный сосуд, в который вливается наиболее современная и полная её версия.

неплохая завязка: группа этих существ каким-то образом оказывается разделена на две подгруппы, так что никакая связь невозможна. каждая восстанавливает недостающие личности из “бэкапов” на своей стороне. в итоге получается две альтернативные ветви развития одних и тех же личностей. что произойдёт, когда они встретятся?

веган на планете хищных растений

космический корабль вегана-исследователя терпит крушение на планете, покрытой хищными растениями. он ждёт спасательную миссию и пытается выжить там любой ценой. маскируется, прячется, охотится на них сам, они охотятся на него.

сначала у него есть бластер. сцены, где он выжигает хищные растения бластером, могут быть крутыми. потом бластер ломается, и дерётся он уже ножом.

писать нужно с максимальной концентрацией штампов НФ, американскими именами и получить в итоге пародию на космические боевики.